

Переселения как инструмент сталинской политики 1930-х гг.:
тенденции, формы, масштабы, последствия

Переселения, или миграции, являются неотъемлемой характеристикой человеческой жизнедеятельности. Они имеют громадный спектр мотиваций, форм и масштабов, производный от конкретно-исторических условий. Среди них особое место и роль играют социально-ориентированные переселения, имеющие массовый характер и обусловленные прежде всего экономическими и политическими причинами. По своему характеру они могут быть стихийными (беженство в условиях социально-политических катастроф) или организованными (самоорганизованными, с участием государства или полностью иницированными и контролируруемыми последним), по форме осуществления – добровольными или принудительными (в виде депортаций), по экономической направленности – аграрными (сельскохозяйственными) или промышленными, по целеполаганию – освоенческими (колониционными) или замещающими (компенсаторными), по вектору направленности – центробежные или центростремительные) и т. д. Выделение названных выше тех или иных базовых оснований для отнесения переселений к их определенному виду не исключает, а, как правило, допускает наличие в том или ином миграционном движении сочетания нескольких мотиваций и оснований (в частности, категорию «беженцы», которую составляли в 1939-1940 гг. прежде всего евреи, переселявшиеся в СССР после «раздела» Польши из германской зоны, советское государство перемещало в восточные районы страны в порядке государственного, или планового переселения).

Ведущий специалист в области изучения принудительных миграций (депортаций) П. М. Полян представил общую схему соотношения и взаимодействия в советской государственной политике добровольных и принудительных переселений (нерепрессивных и репрессивных миграций). В частности, по его мнению, во всех массовых переселениях советской эпохи с участием государства имело место принуждение, хотя в различной степени. Так, для депортаций он выделяет несколько базовых оснований, или признаков (социальные, этнические, конфессиональные, политические) (1). К нерепрессивным («добровольно-вынужденным») принудительным миграциям исследователь относит: а) плановые переселения и переселения «по призыву» (в отдаленные и неосвоенные районы; с гор на «плоскость»; освоенческие; переселения «демобилизованных» (красноармейские)) и б) эвакуации, беженство, репартиации. (2). Исследователь справедливо отмечает, что в советской действительности элемент принуждения в нерепрессивных миграциях мог действовать в форме косвенной – мигрант был вынужден принимать решение под давлением многих обстоятельств, в значительной степени инициированных или поощряемых государством. Сказанное ярко иллюстрируется феноменом красноармейских переселений на Дальний Восток, Украину и Северный Кавказ в 1930-е гг., где геополитические интересы государства («зачистка границ») соединялись и комбинировались с вынужденным социально-экономическим поведением красноармейцев, нуждавшихся в государственной поддержке в условиях массового голода и социальной нестабильности.

Советская государственная переселенческая политика в 1920 – 1930-е гг. изучалась учеными и ранее, однако не входила в разряд приоритетных, о чем свидетельствует наличие в отечественной историографии единственного монографического исследования по данной теме и периоду, написанного Н. И. Платуновым в 1976 г. (3) Несмотря на три прошедшие десятилетия, данная работа не утратила своей значимости в значительной мере потому, что автор достаточно полно реконструировал советскую миграционную политику того времени со всеми ее приоритетами, характерными признаками и

особенностями. К достоинствам исследования следует отнести и тот факт, что Н. И. Платунов вписал депортацию крестьянства («переселение кулаков») в общую программу государственных переселений 1930-х гг., хотя и сделал это в оценочных категориях советской историографии. Ему же принадлежит приоритет в рассмотрении феномена красноармейских переселений в контексте сельскохозяйственных миграций первых пятилеток, а также практики перевода на оседлость такой специфической этнической общности, как цыгане (автор осторожно отметил незавершенность данного процесса в довоенные годы (4)). Согласно автору, советская переселенческая политика прошла в 1917-середине 1941 г. три этапа: 1917-1924 (политика сдерживания интенсивности миграционных процессов); 1925-1930 (осуществление государственного регулирования миграционными процессами для смягчения аграрного перенаселения); 1930 – 1941 (приоритетом политики становится промышленное переселение с целью рационального перемещения трудовых ресурсов; на период коллективизации временно прекращается плановое сельскохозяйственное переселение, а осуществляется спецпереселение «кулаков»). Генеральная тенденция переселенческой политики заключалась в замене стихийных миграций целенаправленными, планомерно-регулируемыми (5)

Вместе с тем, наличие исследования Н. И. Платунова не сняло ряд принципиальных вопросов о причинах и механизмах перехода от обычных переселений к экстраординарным в начале 1930-х гг., о месте и роли красноармейских переселений, о соотношении плановых и принудительных миграций на протяжении предвоенного десятилетия. Исследования постсоветского периода не дали существенного прироста в решении данных вопросов, поскольку оказались сконцентрированными на рассмотрении проблем принудительных миграций (6). И только в рамках реализации документального серийного издания «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание» оказались опубликованы некоторые комплексы источников, отразившие основные стороны советской аграрной миграционной политики 1930-х гг. (плановые, специальные и красноармейские переселения). (7) Но в силу специфики жанра эти аспекты не получили необходимой аналитической трактовки. Цель настоящей публикации состоит в том, чтобы обозначить определенные подходы к решению данной исследовательской проблемы.

В исследовательской литературе нет единой и общепринятой позиции на то, в какой мере массовые депортации крестьянства имели предпосылки в предшествующей репрессивной политике и в какой мере принудительные миграции диктовались экономическими, социальными, политическими причинами и их сочетаниями. Для советской историографии вопрос был ясен. Согласно Н. И. Платунову, «переселение кулаков было отклонением от основ переселенческой политики Советской власти...являлось мерой социальной защиты. Выселив в отдаленные районы наиболее контрреволюционно настроенную часть кулачества, Советская власть не только защитила сельский актив от кулацкого террора, но и самих кулаков от законной мести со стороны колхозного крестьянства, предотвратила гражданскую войну в деревне» (8). Современные исследователи на значительном эмпирическом материале убедительно опровергли данное утверждение об исторической вине и ответственности зажиточного крестьянства за разжигание социальных конфликтов и угрозу гражданской войны в деревне. Не менее убедительно обосновано, что сталинская «революция сверху» или «Великий Перелом» в социальном плане обозначал принудительное и форсированное раскрестьянивание и массовую маргинализацию российского крестьянина. И в данном контексте депортации крестьянства являлись одним из компонентов внутренней политики сталинского режима. Однако остается открытым вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах переселения из обычных стали экстраординарными, или специальными?

По нашему мнению, опыт карательного решения «кулацкого вопроса» накапливался и аккумулировался сразу в нескольких областях государственной политики, но нигде

вплоть до начала 1930 г. не удалось выявить генезиса идеи массовых крестьянских спецпоселений в чистом виде.

Тогдашняя карательная практика фиксировала только две формы, разновидности высылки и ссылки – административную и судебную. И хотя сферы применения внесудебных репрессий имели тенденцию к разрастанию, карательные органы сдерживались в своих действиях существовавшим законодательством. Внесудебные репрессии к крестьянству как таковому применялись весьма осторожно и не носили массового характера. Таким образом, даже при крайнем ужесточении репрессивной политики в деревне идея массовой внесудебной высылки крестьян на поселение из нее прямо не вытекала.

По мотивам и формам своего осуществления массовые принудительные миграции скорее имели своей предтечей сферу политических и геополитических интересов сталинского режима, в арсенале осуществления которых постепенно аккумулировался опыт превентивных «чисток» территорий, приграничных и пограничных, в первую очередь, от групп и категорий населения, представлявших потенциальную или реальную опасность для институтов власти. Приоритет в постановке проблемы трансформации на рубеже конца 1929 – начала 1930 гг. добровольных переселений в недобровольные, принудительные, принадлежит известному специалисту в области истории принудительных миграций и государственной репрессивной политики П. М. Поляну. Исследователь первым обратил внимание на практическое применение осенью 1929 г. такой разновидности принудительных миграций, как «зачистка границ»: «Первые постановления о переселении социально-опасного элемента на западной границе СССР, из пограничных районов УССР и БССР были приняты в конце 1929 г. ...республиканскими совнаркомом. В частности, в постановлении СНК Украины ... в переселенческие контингенты в «добровольном» порядке включались граждане, признанные социально-опасными для дальнейшего пребывания в 22-километровой погранполосе (причем вне зависимости от их социального статуса: среди них были и середняки и бедняки). Переселенцев из погранполосы направляли исключительно в Сибирь, преимущественно в таежную зону» (9).

Отложившиеся в фонде Всесоюзного переселенческого комитета (ВПК) документы вносят определенные коррективы в механизм и территориальный охват осуществления запланированной акции. Прежде всего, последняя предполагалась к реализации практически по всей западной границе СССР, охватывая тем самым три республики – РСФСР, УССР и БССР. Сам же первоначальный импульс исходил от республиканских структур Российской Федерации. Так, еще 22 февраля 1929 г. СНК РСФСР по докладу НКЗемледелия об оперативном плане переселенческих работ на 1928/29 хоз. год вынес следующее постановление: «Предложить НКЗему РСФСР с привлечением заинтересованных наркоматов и подлежащих местных исполкомов, предусмотреть как в оперативном плане на 1929 – 1930 г., так и в 5-летнем плане по переселению необходимость ускорения переселения излишнего, в первую очередь социально-опасного населения из пограничных районов...» (10). В обсуждении проекта постановления, затянувшегося на несколько месяцев, приняли участие такие наркоматы и ведомства, как НКФин, НКВД, НКЮст. Суммировав все предложения, НКЗем представил согласованный проект на утверждение СНК РСФСР, что и было сделано последним 23 октября 1929 г.. Таким образом, постановление СНК РСФСР «О переселении социально-опасных элементов населения приграничных районов Ленинградской и Западной областей», создавшее директивный прецедент практике переселения в таежную зону Сибири «социально-опасных элементов» (СОЭ) с семьями в добровольно-принудительном порядке (по классификации П. М. Поляна) «при подаче ими в добровольном порядке заявлений о переселении» (11) явилось первым в данном ряду. Следует отметить, что аналогичное постановление, принятое СНК Украины 13 ноября того же года, практически повторив конструкцию российского документа, было ориентировано на осуществление

данной акции без прокурорского надзора над действиями специальной комиссии из представителей земельных органов, ОГПУ и милиции (в российском документе предусматривалось участие в работе комиссии работника прокуратуры с совещательным голосом и правом опротестовывать решения комиссии). По информации ОГПУ на 19 ноября 1929 г. в Ленинградской обл. на тот момент уже было намечено 2102 хозяйства, подпадавших под «добровольное» переселение, по погранполосе на Украине учет охватывал более 8 тыс. чел/ хозяйств. Данные по Белоруссии отсутствовали. При этом ЦИК Белоруссии еще раньше, 27 сентября 1929 г. провел через ЦИК СССР постановление «О дополнительном выселении бывших помещиков и крупных землевладельцев из БССР». О том, что данный вопрос не был надлежащим образом согласован с московскими ведомствами свидетельствует резолюция М. Трилиссера, включенного от ОГПУ в комиссию «для рассмотрения вопросов о порядке, сроках, районах вселения и списках подлежащих выселению лиц», адресованная Я. Ольскому: «Есть ли у Вас материалы по этому вопросу. Доложить» (12).

Сказанное выше позволяет взглянуть на проблему вызревания массовых депортаций с позиций того, что одной из «точек роста» принудительных миграций стали «добровольно-принудительные» (по терминологии П. М. Поляна) переселения, намечавшиеся с конца 1929 – начала 1930 гг., сочетавшие в себе признаки ординарных и экстраординарных миграций. Данная модель не успела реализоваться, будучи поглощенной волной массового «раскулачивания». Обращает, тем не менее, на себя внимание тот факт, что депортационная идея «витаала» в коридорах власти, и альянс карательных и переселенческих органов уже начинал обретать определенные контуры. Указанный сюжет нуждается, безусловно, в дополнительном и тщательном изучении и отнюдь не исчерпан несколькими вышедшими публикациями (13)

Если искать генезис проектов массовых принудительных переселений в контексте и в практике государственной переселенческой политики конца 1920-х гг., то последняя строилась на основах, заложенных еще в дореволюционный период и не предполагала никакого внеэкономического, административного принуждения в данной сфере. Переселенческие органы скорее были обеспокоены задачей регулирования миграций в связи с нарастанием стихийности в переселении, принимавшем черты беженства в преддверии коллективизации. Что же касается неземледельческого переселения, то одним из приоритетных направлений рассматривалось рассчитанное на достаточно длительный срок переселение крестьян в северные районы европейской части страны с целью создания постоянных кадров рабочих для лесной промышленности. Однако даже достаточно скромные финансовые проектировки переселенческих органов (предусматривалось выделение около 2 млн руб на переселение в Северный край примерно 4 тыс. семей в 1929/ 30 хоз. году) в ходе их рассмотрения вышестоящими директивными органами в конце 1929 – начале 1930 гг. подверглись столь резкому сокращению, уменьшившись до 500 тыс. руб., что сама программа оказалась под вопросом.(14) Примечательно, что хотя вопрос об обеспечении необходимыми средствами организации переселения в Северный край в силу его экономической важности (лесозаготовки на Севере были одной из важнейших составляющих советского экспорта) лоббировался наркоматом внешней торговли и находился на контроле СНК СССР и СТО, он безнадежно «завис» в бюрократических инстанциях. И только 31 мая 1930 г. (переписка началась в декабре 1929 г.) руководство Наркомзема СССР уведомило Управление делами СНК СССР и СТО о том, что вопрос о колонизации Северного края в его прежней постановке больше не стоит: «В виду того, что переселенное в Северный Край количество кулаков исчерпывает трехлетнюю потребность края в переселенцах, НКЗ СССР считает вопрос об обычном переселении в Северный край на ближайший период отпавшим»(15) Таким образом очевидно, что и переселенческие структуры не являлись прародителями проектов массовых принудительных миграций.

Вместе с тем нельзя и не видеть того, во всех перечисленных выше областях внутренней политики по мере нарастания кризисных явлений вызревали, формировались отдельные предпосылки для перевода принудительных переселений из потенциальной возможности в реальное их воплощение. Когда форсированная модернизация страны стала мобилизационной целью сталинского режима, в этой ситуации, как справедливо заметил П. М. Полян, «идея недобровольного переселения и недобровольного труда как бы сама стучалась в дверь» (16). Однако без субъективного фактора – политической воли И. В. Сталина и готовности его окружения для перевода страны в режим «чрезвычайщины» с целью «создания основ социализма» отдельные элементы «чрезвычайщины» не могли бы сложиться в систему.

В исследовательской литературе (Н. А. Ивницкий, В. Н. Земсков и др.) достаточно определенно описан механизм формирования директивных основ осуществления крестьянских депортаций и создания системы спецпоселений в 1930-1933 гг. Однако вне рамок данной проблематики остался без рассмотрения вопрос о технологии перевода переселений из разряда ординарных в категорию «специальных». Между тем, указанный сюжет имеет прямое и непосредственное отношение к механизму осуществления не только депортаций, но и расселения и хозяйственного использования трудового потенциала депортированного крестьянства: в какой мере имевшийся опыт переселений дореволюционного и постреволюционного периодов оказался востребован в новых, экстремальных условиях, какой характер носило взаимодействие и координация переселенческих структур с репрессивными. Архивные источники позволяют утверждать, что накопленный ранее опыт осуществления ординарных массовых переселений оказался востребован либо в худших его вариантах (с повторением некоторых просчетов и ошибок переселенческой политики столыпинской эпохи), либо очень точно, инструментально (технология перевозок, создание социокультурной инфраструктуры и т. д.). Расчет организаторов депортаций при подготовке и проведении высылки и создании спецпоселений копировать стандарты и технологию плановых переселений повлек за собой многочисленные межведомственные конфликты и управленческие сбои, создание особых надведомственных органов с чрезвычайными полномочиями и полным фактическим поглощением гражданских переселенческих структур структурами репрессивными. В распоряжении первых (если брать сферу сельхозпереселений) остался вплоть до 1933 г. весьма незначительный сегмент деятельности, связанный с точечным осуществлением замещающих, компенсаторных красноармейских переселений на Дальний Восток. В частности, Н. И. Платунов отмечал: «...плановое сельскохозяйственное переселение крестьян в СССР с 1930 по 1933 гг. не проводилось...переселенческий аппарат переключился на расселение и устройство выселенных кулаков и на организацию красноармейского переселения». (17)

Среди множества конфликтов и бюрократических несогласований начального периода крестьянских депортаций весьма знаковый характер носила реакция Центра на первоначальные цифры финансовых затрат на спецпереселение, представленные по просьбе полпреда ОГПУ по Сибирскому краю Л. М. Заковского в начале февраля 1930 г. Сибирским районным переселенческим управлением (СибРПУ). Работники последнего представили выкладки расходов на перемещение почти 70 тыс семей, исходя из существовавших на тот момент нормативов для плановых переселений. Несколько дней спустя представитель Сибкрайисполкома в Москве В. А. Ветров в письме на имя пред. СНК РСФСР С. И. Сырцова называл более уточненную и скорректированную в сторону повышения цифру расходов в сумме около 60 млн руб., «из них 26.167.0 т. рубл. стоимость рабочей силы включается условно, так как должен быть использован бесплатный труд самих переселяемых. Отсюда общая затрата на 1 хозяйство около 824 рубл., а за вычетом стоимости рабочей силы около 428 рубл.

Затраты на продовольственный и семенной фонд, на заготовку гужтранспорта, производственного скота и с.-х. инвентаря в сумме 28.516 тыс. рубл. должны быть

временными, возвратными, всю стоимость заготавливаемого переселяемые должны по мере прибытия покрывать из своих средств. При этом некоторая часть средств должна быть обращена в долгосрочный кредит ...» (18) С определением направленных Заковским и Ветровым в Москву расчетов сумм на перевозку, размещение и трудоустройство «кулаков», разразился настоящий скандал. 17 марта 1930 г. пред. СНК СССР А. И. Рыков, озабоченный «торгом» региональных лидеров Сибири вокруг приема одиночек-особовцев из западных регионов и стремлением получить под это из Центра дополнительные ресурсы, не скрывая крайней формы раздражения телеграфировал секретарю Сибкрайкома Р. И. Эйхе: «Высылаемых Вам ГПУ кулаков вы обязаны принять тчк К Вам выезжают вначале одиночки в размере 18 тысяч тчк Семейства к ним придут весной тчк Считаем целесообразным расселение их по северным районам Енисея и Оби тчк Ваши органы по видимому не понимают важности задачи зпт предъявляют часто ни с чем несообразные денежные требования доходящие до одной двух тысяч на семью тчк Такие требования можно рассматривать только как попытку сорвать выселение кулаков тчк Эшелоны с выселяемыми из пограничных районов к Вам выходят тчк Приготовьтесь к принятию тчк За отсутствием разумных требований на ассигновки и каких либо расчетов ГПУ переводит Вам пятьсот тысяч рублей тчк Приготовьте бараки тчк Наряд на хлеб вышлем на днях зпт об остальном озаботьтесь сами» (19).

Очевидно, что директивный окрик из Центра был по меньшей мере несправедлив в отношении расчетов сибирских организаций затрат на спецпереселение, поскольку при всех расчетах сибирские функционеры исходили из необходимости выделять в структуре госрасходов безвозвратные и возвратные средства, причем последние должны были преобладать. Приведенный выше инцидент однако весьма примечателен для атмосферы, царившей во взаимоотношениях регионов и Центра на начальном этапе формирования системы репрессивной экономики. Вначале Центр требовал от регионалов максимально подробных расчетов «на бумаге», но как только выяснялась предполагаемая «цена вопроса» и начинался процесс бюрократического торга за ресурсы, ставя под угрозу замедления или частичного срыва карательной операции, то директивные органы обязывали регионалов выполнения директив любой ценой, перекладывая проблему ресурсного обеспечения операции по возможности на места. Стремление к минимизации расходов на спецоперации на деле оборачивалось ухудшением условий существования самих спецпереселенцев, но, впрочем, до известного предела, за которым начиналась гуманитарная катастрофа, на предотвращение или ликвидацию ее последствий уходили весьма значительные финансовые средства и материальные ресурсы. Примечательно также и то, что в конечном итоге никакой «жесткой экономии средств» так и удалось достичь. Совокупные затраты государства на начальном этапе расселения спецпереселенцев оказались весьма близкими к расчетам профессионалов из СибРПУ (около одной тыс руб на семью), о чем говорилось даже в советской историографии, хотя и интерпретировалось это как акт гуманности Советской власти: «Выселенным кулакам в новых местах поселения в 1930-1932 гг. Советское государство выделило помощь в сумме 250 млн руб (около 1 тыс руб на хозяйство, что почти равнялось стоимости конфискованного у них имущества)» (20). Таким образом, даже с позиций простых цифр обозначенный выше «нулевой вариант» (отдали приблизительно столько же в денежном эквиваленте, сколько отняли) может свидетельствовать о том, что, осуществляя «спецколонизацию», государство преследовало при этом прежде всего политические а отнюдь не экономические цели, и, применяя модель репрессивных миграций, не считалось с ценой их осуществления в «человеческом измерении».

В свете отмеченного выше определенный интерес имеет экспертная оценка, данная руководством СибРПУ ходу и оптимальным вариантам осуществления «спецколонизации» севера Сибири (февраль 1930 г.). Было обозначено несколько условий, отличавших нормальную колонизацию от специальной: 1) в обычных условиях срок подготовки колонизационных фондов составляет для необжитых территорий не менее 4

лет(обследование, съемка, дорожно-мелиоративные изыскания, постройка дорог и раскорчевка, постройка колодцев и только затем водворение переселенцев с семьями); в сложившихся экстремальных условиях спецпереселенцы будут прибывать на совершенно неподготовленные земли, поэтому необходимо, незамедлительно создавать рабочие дружины из самих переселенцев для осуществления подготовительных работ по всему их спектру, что не может дать качественного результата; 2) заблаговременная заброска продовольствия в районы «спецколонизации» лимитируется удаленностью этих территорий, отсутствием дорог и предстоящей весенней распутицей (то есть факторами, требующими особой оперативности и скорости их решения); 3) в случае проведения силами самих спецпереселенцев фронтальных работ по подготовке территории (прокладка дорог, лесорасчистка, организация весенних сельхозработ, далее сенокос и уборочные работы), по оценке СибРПУ «в первой половине лета переселенцы не смогут уделить большого числа рабочих рук на постройку жилищ. Таким образом, наиболее удобным моментом массового прибытия семей переселенцев является конец лета» (21). Очевидно, что депортационная реальность 1930 г. превзошла самые худшие варианты переселенческих работников: высылка осуществлялась без подготовительных работ на необжитые территории, в зимне-весеннее время, сразу семьями, часть которых не имела в своем составе глав и трудоспособных мужчин, в условиях жесточайшего дефицита продовольствия и фуража и т. д. Таковы слагаемые социальной катастрофы, которая разразилась в спецпоселениях на начальном этапе их создания (1930 г.) и если не избежать, то, хотя бы смягчить которую можно было в случае выполнения ряда условий, предлагавшихся переселенческими специалистами (высылка в места будущего расселения рабочих дружин из числа самих депортантов для подготовительных работ и перевоз к ним семей только в конце лета). Из депортационной практики 1930 г. в дальнейшем было извлечено лишь два очевидных урока: последующая массовая депортация 1931 г. проводилась в Сибири в навигационный период (хотя при этом в немалой мере опять-таки на неподготовленные и неисследованные территории) и директивно устанавливалась невозможность высылки семей, в которых на момент высылки не было трудоспособных членов семей (хотя и это привычно нарушалось на местах). Отмеченное выше не остановило упомянутую социальную катастрофу на спецпоселении: первые пять лет с момента высылки смертность доминировала над рождаемостью, а число бежавших существенно превышало показатель задержанных или возвратившихся в спецпоселки «добровольно». И только со второй половины 1930-х гг. «ножницы адаптации» стали демонстрировать позитивные демографические тенденции: вначале выравнивание показателей рождаемости и смертности в спецпоселениях, а затем и превышение рождаемости над смертностью. Не случайно, что и руководство страны сочло к этому времени задачу «оседания» репрессированного крестьянства в спецпоселках в основном решенной, а приоритетной для репрессивных миграций второй половины 1930-х гг. стала задача «этнической зачистки» приграничных территорий.

Модель репрессивных миграций, о которой речь шла выше, в настоящее время достаточно обстоятельно описана в литературе. Менее известна и тем более изучена другая модель переселения первой половины 1930-х гг. в форме государственного переселения демобилизованных красноармейцев на Дальний Восток и Северный Кавказ. Отсутствие специальных исследований дает возможность обозначить только общие контуры данного миграционного процесса. Не подлежит сомнению тот факт, что в основе осуществления такой нерепрессивной миграции, как красноармейские переселения лежали несколько намерений и расчетов сталинского руководства (геополитическое основание – укрепление границ политически благонадежным контингентом; экономическое основание – создание крупных коллективных хозяйств; организационно-пропагандистское – осуществление полностью подконтрольной государству и «образцовой» миграции как модели дальнейших «социалистических» переселений). В определенной степени, хотя и весьма далекой от ожидавшегося результата, все три

перечисленных основания оказались реализованными на протяжении 1930-х гг. двумя крупными кампаниями (переселение 1930-1935 гг. на Дальний Восток и 1933-1935 гг. на Северный Кавказ). В обоих случаях указанные переселения носили характер кампаний социально- мобилизационного типа, сопровождавшихся широкой и массовой пропагандой по вербовке демобилизованных красноармейцев к переезду их вместе с семьями в регионы геополитической важности для государства.

Обращает на себя внимание то, что данные переселения потребовали весьма плотной координации действий нескольких ведомственных структур (от Политуправления РККА до местных региональных партийно-советских органов в местах массового вселения демобилизованных красноармейцев при достаточно плотном надведомственном контроле со стороны директивных органов (Политбюро, СНК СССР)). Масштабы такого рода переселений не совпадали с изначально ожидавшимися. Так, по данным Н. И. Платунова, в 1930 г. в районы ДВК прибыли около 5 тыс демобилизованных, а вместе с членами семей их общее число составило 7858 чел. (расчет же делался на переселение примерно 10 тыс семей демобилизованных, или в совокупности 26.5 тыс чел). В 1931 г. совокупная численность прибывших лиц данной категории составила 14 326 чел (хотя в самих частях было завербовано почти 12 тыс чел, что давало основание рассчитывать на приезд почти 30 тыс чел; следовательно, реальный приток оказался вдвое ниже ожидаемого), в 1932 г – 2905 чел, в 1933-1934 гг. – 3 328, в 1935 г. – 6452 чел. Несмотря на весьма значительные льготы, предоставляемые переселенцам данной категории, включая перевод их с 1930 г. на централизованное снабжение, предоставление значительных ресурсов, включая переброску в районы вселения для строительства домов и производственных помещений 4 тыс строительных рабочих (как оказалось, из этого числа прибыли менее 2 тыс), из созданных к 1931 г. сорока красноармейских колхозов шел, по признанию Н. И. Платунова «значительный отлив населения» (впрочем, историк объяснял это причинами скорее не аграрного свойства – дефицитом промышленности ДВК в рабочей силе и востребованностью демобилизованных в управленческой сфере). (22) Опубликованные архивные документы свидетельствуют о том, что в механизме подобных мобилизационных переселений уже был заложен элемент принуждения, хотя и неявно выраженный. Политорганы РККА, опасаясь срыва кампании, делали ставку на прямую отправку демобилизованных красноармейцев на Дальний Восток, без отпуска домой с оповещением семей о том, в какие места им следует прибыть. Армейские политработники, по итогам вербовки 1931 г. отмечали: «Ввиду того, что после увольнения красноармейцев наше непосредственное влияние на них прекратилось, необходимо через ЦК ВКП (б) обязать райкомы ВКП (б) принять меры к тому, чтобы все завербованные были отправлены на дальний Восток. Иначе отсеб будет большой». (23) Таковым он и оказался, составив уже в том же 1931 г. 16% от числа прибывших в ДВК. (24) Явление массового обратничества имело место и в ходе аналогичной кампании вселения демобилизованных и членов их семей на Северный Кавказ (преимущественно Кубань в 1933- 1934 гг.), где за период с 15 апреля по 30 сентября 1934 г. численность переселенцев уменьшилась с 47. 183 до 33. 939 чел, или на 9. 144 чел, то есть почти на 20 % (25) . Для предотвращения оттока в столь значительных размерах, чекисты, воспринимавшие это в категориях «дезертирства» предлагали летом 1933 г. использовать широкий арсенал средств, начиная от «усиления массово-воспитательной и разъяснительной работы среди переселенцев» и завершая необходимостью «определить точный порядок и дать указания судебным-карательным органам о привлечении к ответственности дезертирующих из станиц...» (26)

Статистические данные, отложившиеся в делопроизводстве Всесоюзного переселенческого комитета (ВПК) при СНК СССР содержат информацию, позволяющую соотнести направленность и структуру аграрных миграционных потоков, инициированных и подконтрольных государственной машине в годы второй пятилетки (1933-1937 гг.). Приоритетными для государства в данный период территориями вселения

считались, помимо упомянутых выше и являвшихся районами красноармейских переселений ДВК и Северного Кавказа (Азово-Черноморский край (АЧК)), , Восточная Сибирь (включая Бурят-Монгольскую АССР), Еврейская автономная область, а также Украина, куда направлялись ординарные потоки крестьян – колхозников и единоличников. Всего в совокупности масштабы ординарных и красноармейских переселений выразились за пятилетие цифрами в почти 77 тыс семей (около 348 тыс чел)

В годовом разрезе статистика расселения демонстрировала нисходящую динамику. В 1933 г. переселения затронули 37.6 тыс семей, из которых преобладали переселенцы на Украину из приграничных (Белоруссия и Западная обл) и внутренних территорий (Ивановская, Горьковская и др. обл) (23.5 тыс семей) и 14 тыс семей демобилизованных красноармейцев, ввезенных на Кубань. Объединяло данные потоки одно общее основание: они носили компенсаторный, замещающий характер, и были призваны восполнить потери трудового потенциала в основных производящих сельхозрайонах страны в результате голода и депортаций. В 1934 г. данная тенденция имела продолжение: из 21 тыс переселенных по государственному плану семей 20.5 тыс направлялись на Украину и около 500 семей составили семьи демобилизованных красноармейцев, перевезенных на дальний Восток. В 1935 г. масштабы переселений оказались резко сокращенными (4.2 тыс семей, в числе которых красноармейские переселения дали для ДВК 1.2 тыс семей, и среди районов нового ординарного расселения появился Восточно-Сибирский край (ВСК) – 3 тыс семей). 1936 г. дал переселения за счет государства только для ВСК – 3.4 тыс семей. В 1937 г. география государственно ориентированных аграрных переселений включала три региона (ДВК, ВСК и АЧК) – около 3 тыс семей, основная часть которых – 2.2 тыс семей были направлены в ВСК. (27)

Обращает внимание тот факт, что аграрные госпереселения в Восточную Сибирь носили также характер замещающих миграций. Так, в июле 1934 г. секретарь Восточно-Сибирского крайисполкома М. Разумов направил обращение в ЦК и СНК СССР с просьбой включить край в число регионов для экстренного сельхозпереселения, мотивируя необходимость переброски за счет государства 30 тыс хозяйств в течение трех лет для укрепления трудовыми ресурсами региона. Убыль населения предыдущих лет он пояснял таким образом: «За последние 3-4 года в связи с ликвидацией кулацких хозяйств, ухода из деревни единоличников и колхозников, а также паспортизацией, проведенной в приграничных районах в крае убыло не менее 50-60 тыс крестьянских хозяйств» (28). Примечательно, что давший экспертное заключение по данному обращению ВПК осторожно оценивал размеры сельхозпереселений в ВСК на следующий год цифрой в 5 тыс. семей. Фактически в 1935 г. в Восточную Сибирь удалось переселить из центральных областей страны лишь около 3 тыс семей. События 1936 г. показали, что руководство ВСК теперь уже проявляло прямо противоположную ранее высказанной позицию. Крайком выступил за корректировку принятого СНК СССР 31 июня 1935 г. решения о переселении в край в 1936 г. примерно 6 тыс хозяйств, считая, что недород прошлого года позволил бы принять сюда не более половины от директивной цифры. Фактически так и произошло – переселено было 3.3 тыс хозяйств (29). Собранные переселенческими органами ВСК на начало 1937 г. статистика движения переселенцев выявила тенденцию крайней нестабильности их приживаемости. По этим данным из 6.5 тыс семей 1.4 тыс (20%) вышли из колхозов, куда были вселены, половина из них была отнесена статистикой к категории «чистых обратников», т.е. вернувшихся в места прежнего проживания в европейской части страны. В несельскохозяйственные отрасли переместилось около 6 % из числа выбывших, остальные выбыли «неизвестно куда» (30). Статистика зафиксировала резкую разницу в масштабах отходничества между семьями, выходцами из Воронежской обл (менее 10%) и из Горьковской обл (около 40% всех вселенных), что привело к отказу от вербовки в 1937 г. на переселение в ВСК сельских жителей из Горьковской обл. Стоимость переселения постоянно возрастала. Так. для Восточной

Сибири общая стоимость переселения и обустройства одной семьи из центральных районов страны и Поволжья обходилась на 1936 г. в сумму около 2.4 тыс руб.(31)

Приведенные выше цифры характеризуют отчетливо проявившуюся тенденцию сближения и стирания различий внутри различных форм государственно организованных миграций (красноармейских и ординарных). Несмотря на все возраставшие государственные расходы (в основной своей части безвозвратные), доля «отсева» или обратничества держалась в 1930-е гг. в пределах 16-20%, что являлось показателем низкой результативности миграций, инициированных и подконтрольных государству. Не помогал и все ужесточающийся контроль на перемещениями, приведший даже на период 1937-1939 гг. к передаче всех видов переселений в ведение НКВД СССР с созданием в составе последнего Переселенческого отдела. Что касается предельной централизации и контроля над миграционными процессами в форме спецпереселений, то государство и после 1935 г. делало по –прежнему ставку на принудительные миграции в случаях решения геополитических и экономических задач (высылка из пограничных территорий с акцентом на этническую зачистку), не считаясь со все возрастающими экономическими затратами, которые только росли год от года. Говорить об эффективности принудительных миграций в форме массовых депортаций, абсолютно численно доминировавших в 1930-е гг. можно только с позиций достижения сталинским руководством тех целей, которые имели прежде всего геополитическое («зачистка границ») или чисто внутривосточное (в случае с крестьянской ссылкой) измерение. Чем более масштабный характер приобретали чисто репрессивные миграции, тем более очевидными как их прямое следствие становились замещающие миграции компенсаторного характера. В конечном же итоге все массовые миграционные процессы, инициированные государством, или порожденные политическими факторами, являлись мобилизационными по своей сути, носившими разные оттенки и степень принуждения, вынужденности. Обратной стороной все возраставшего давления государства на миграционные процессы стало формирование массовых патерналистских настроений и ориентаций (надежда, прежде всего на государственную поддержку, льготы и преференции). Количество льгот и государственных дотаций переселяемым хозяйствам достигало десятка, порождая нередко иллюзию иной жизни в местах нового расселения, которая весьма быстро рассыпалась. Выше уже отмечалось, что масштабы оттока, в т.ч. обратничества (до 20%) могли служить ответом крестьянства/демобилизованных на несовпадение ожидаемого с действительностью. Позитивной с точки зрения поведенческой реакции тенденцией в этом случае можно было бы считать показатель прибытия в места планового размещения т.н. неплановых переселенцев, или прибывавших туда не за государственный, а за свой счет родственников или знакомых. По данным переселенческих органов Восточной Сибири к почти 6 тыс прибывших семей в 1935-1936 гг. осенью 1936 г. в регион прибыло добровольно чуть более 120 семей (2%) (32).

Примечания:

1. См. Павел Полян. Не по своей воле...История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001. С. 47. К категориям депортированных он также относит военнопленных и гражданских интернированных, а также осужденных (политических и уголовных)

2. Там же.

3. Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917-июнь 1941 гг.). Томск, 1976

4. Платунов Н. И. Указ.соч. С. 272

5. Там же. С. 276-280

6. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960. М., 2003 и др.
7. См. : Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927-1939. Т. 3. Конец 1930-1933. М., 2001; Т.4. 1934-1936. М., 2002; Т.5 . Кн.1. М., 2004
8. Платунов Н. И. Указ.соч. С. 214-215.
9. Полян П. М. Указ. соч. С. 60-62
10. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-259. Оп.40. Д. 2339. Л. 11.
11. Там же. Л. 20
12. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5675. Оп.1. Д. 23а. Л. 41- 43.
13. Чернолуцкая Е. Н. Попытка принудительно переселения корейцев из Приморья в Хабаровский край в 1930 г.- В сб.: Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII – XX вв.- Новосибирск, 1999, С. 106-109 ; Красильников С. А. К вопросу о начале массовых принудительных миграций в сибирский регион (конец 1929-начало 1930 гг.)- там же., С. 104-106 ; он же. Переселения, ставшие специальными – **точную сноску!**)
14. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 40. Д. 1971. Л.4 - 4об.
15. Там же. Л. 14
16. Полян П. М. Указ. соч. С. 60
17. Платунов Н. И. Указ.соч. С. 222
18. ГАРФ. Ф. Р-393.Оп. 43 а. Д. 1796. Л. 281 – 282 об .
- 19.Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ РФ) Ф.2. ОП.8. Д. 338. Л. 6
20. Платунов Н. И. Указ.соч. С. 215
21. РГАЭ. Ф. 5675. Оп.1.Д. 23а. Л. 49-50
22. Платунов Н. И. Указ.соч. С. 203-207
23. Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 208
24. Там же. С. 251
25. Там же. С. 212
26. Там же. С. 762-763.
27. РГАЭ. Ф. 5675. Оп.1. Д. 185. Л. 1-3
28. РГАЭ. Ф. 5675.Оп.1. Д. 79. Л. 2
29. Там же. Л. 56-57
30. РГАЭ. Ф. 5675. Оп.1. Д. 173. Л. 28-28 об
31. Там же. Л. 32 об.
32. Там же. Л. 24 об